

УДК 821.111

**СПЕЦИФИКА ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»****Д.А. НОВИКОВА***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)*

Рассматриваются характерные для готического романа особенности временной и пространственной организации. Характеризуется отличная для готического романа система персонажей.

«Грозовой перевал» – самый известный и единственный роман английской писательницы и поэтессы XIX в. Э. Бронте. В произведении ей удалось соединить новаторское использование нескольких повествователей, внимание к подробностям сельской жизни в сочетании с романтическим истолкованием природных явлений, переработкой условностей готического романа, что делает «Грозовой перевал» эталоном романа эпохи романтизма.

Ключевую роль в понимании представлений М.М. Бахтина о повествовательных формах занимает понятие хронотопа – «закономерной связи пространственно-временных координат» [2, с. 347]. Понятие хронотопа учитывает специфические взаимоотношения темпоральной и пространственной оси повествовательного текста. Он пишет о том, что «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [1, с. 235].

«Грозовой перевал» Э. Бронте имеет довольно сложную пространственно-временную организацию, оформленную в соответствии с готической традицией. С первой же страницы Э. Бронте сужает пространство произведения до одного места – Англии: «This is certainly a beautiful country! In all England, I do not believe that I could have fixed on a situation so completely removed from the stir of the society»⁸² [4, р. 1]. Затем появляется деревня Гиммертон (*village Gimmerton*), где расположены два поместья: Грозовой перевал (*Wuthering Heights*) и Мыза Скворцов (*Thrushcross Grange*). Тем самым становится очевидно, что Э. Бронте изначально лишает пространства героев, предлагая им минимальный контакт с внешним миром. Существуют лишь два мира, все остальное выпадает из объектива произведения.

Пространство романа сжато. По мере продвижения сюжета, в нем становится так тесно, что оно уже не может впустить других. Те, кто покидают свой дом, больше не в состоянии вернуться туда. Изабелла Линтон, покинув Грозовой перевал, больше не может вернуться обратно, в итоге умирает от какой-то болезни. Силы Мистера Эрншо также начали сдавать после поездки спустя 6 лет, по причине того, что: «his strength left him suddenly»⁸³ [4, р. 50].

Проблема изоляции присутствует и во временном пласте повествования. Так, например, Мисс Дин использует такие выражения как: «three month since» (спустя три месяца), «next day» (на следующий), «week ago» (неделю назад) и т.д., говоря о событиях разной временной давности. Герои давно уже запутались в числах, днях и годах. В Грозовом перевале Мистер Локвуд сталкивается с тем, что время в поместье стоит на месте: «Not three o'clock yet! I could have taken oath it had been six. Time stagnates here: we must surely have retired to rest at eight!»⁸⁴ [4, р. 8]. Роман начинается с настоящего времени, затем читатель погружается в воспоминания других героев, а в конце ненадолго снова попадает в настоящую реальность. Так раскрывается мотив «рассказа в рассказе», который популярен среди готических сюжетов.

Природа представляет собой отдельное пространство в романе. Она отделяет персонажей от остального мира, от друг друга. Природа противостоит тому, чтобы кто-либо вторгнулся в мир двух поместий или покидал их. Мистер Локвуд едва ли смог добраться с Мызы Скворцов до Грозового перевала, так как ему помешала метель: «YESTERDAY afternoon set in misty and cold. I had half a mind to spend it by my study fire, instead of wading through heath and mud to Wuthering Heights... On that bleak hill-top the earth was hard with a black frost, and the air made me shiver through every limb»⁸⁵ [4, р. 3]. Затем он с трудом до-

⁸² «Место поистине прекрасное! Во всей Англии едва ли я сыскал бы уголок, так идеально удаленный от светской суеты» [3, с. 1].

⁸³ «силы вдруг оставили его» [3, с. 49].

⁸⁴ «Еще нет и трех! А я поклялся бы, что не меньше шести. Время здесь точно стоит на месте: ведь мы разошлись по спальням часов в восемь?» [3, с. 7].

⁸⁵ «Вчера к полудню стало холодно и сыро. Я уже почти решил, что лучше посидеть у камина в своем кабинете, чем брести по бездорожью, по слякоти на Грозовой перевал... Здесь, на голой вершине холма, земля затвердела от ранних бесснежных морозов, и холодный ветер пронизывал меня насквозь» [3, с. 2].

бирается обратно на Мызу Скворцов, дорога до которой занимает не больше двух миль, но у Мистера Локвуда заняла в два раза больше: «The distance from the gate to the grange is two miles; I believe I managed to make it four, what with losing myself among the trees, and sinking up to the neck in snow: a predicament which only those who have experienced it can appreciate. At any rate, whatever were my wanderings, the clock chimed twelve as I entered the house; and that gave exactly an hour for every mile of the usual way from Wuthering Heights»⁸⁶ [4, p. 9].

Дочь Кэтрин Эрншо и Эдгара Линтона – Кэтрин Линтон, до тринадцати лет росла отрешенной от всего мира: «Till she reached the age of thirteen she had not once been beyond the range of the park by herself. Mr. Linton would take her with him a mile or so outside, on rare occasions; but he trusted her to no one else. Gimmerton was an unsubstantial name in her ears; the chapel, the only building she had approached or entered, except her own home. Wuthering Heights and Mr. Heathcliff did not exist for her: she was a perfect recluse; and, apparently, perfectly contented»⁸⁷ [4, p. 51]. Но она всегда смотрела из окна своей комнаты на горы, ей было любопытно, что же там, но ответом всегда было: «...it is hills again, just like these»⁸⁸ [4, p. 51]. Для них не существовало другого мира, кроме как Мызы Скворцов.

В начале произведения Э. Бронте с особым художественным мастерством создает описание Грозового перевала: «No wonder the grass grows up between the flags, and cattle are the only hedge-cutters»⁸⁹ [4, p. 1], «I paused to admire a quantity of grotesque carving lavished over the front, and especially about the principal door; above which, among a wilderness of crumbling griffins and shameless little boys, I detected the date '1500,' and the name 'Nareton Earnshaw»⁹⁰ [4, p. 1]. Неизвестные дата и имя вызывают интерес у Мистера Локвуда, писательница придает историзм и таинственность Грозовому перевалу, тем самым наделяя его готическими чертами. Изначально Мистеру Локвуду это место кажется идиллией, он уверен, что сбежал из суматохи своего общества: «This is certainly a beautiful country!... A perfect misanthropist's heaven...»⁹¹ [4, p. 2].

Само поместье окружено малорослыми елями (*stunted firs*), шиповником (*thorns*), вследствие чего можно предположить, что ель, как вечнозеленое растение, олицетворяет собой вечную жизнь, в то время как шиповник выступает в качестве символа загробного мира. Таким образом, поместье находится между жизнью и смертью, тяготея к последнему. Окрестности Грозового перевала представляют собой возвышенности, холмы (*mounds*), взгорья (*hill-backs*), вересковые пустоши (*moor*). Пейзажные зарисовки Э. Бронте создают особую атмосферу для предстоящих событий.

Войдя в дом, Мистер Локвуд замечает лишь «общую комнату»: «...the family sitting-room... they call it here 'the house' pre-eminently»⁹² [4, p. 2]. На стенах этой комнаты развешаны ружья, стоят темные кресла, непонятные жестяные банки, но, что больше добавляет страха Мистеру Локвуду, так это большое количество собак в одной комнате: «Above the chimney were sundry villainous old guns, and a couple of horse-pistols: and, by way of ornament, three gaudily-painted canisters disposed along its ledge... the chairs, high-backed, primitive structures, painted green: one or two heavy black ones lurking in the shade. In an arch under the dresser reposed a huge, liver-coloured bitch pointer, surrounded by a swarm of squealing puppies; and other dogs haunted other recesses»⁹³ [4, p. 2]. Здесь можно проследить мифологический мотив, т.к. Грозовой перевал охраняют собаки, в точности как трехглавый Цербер охранял выход из царства Аида.

Мистер Локвуд сразу подметил то, что хозяин дома, Хитклиф, действительно счастлив в подобной дикой обстановке: «...it is strange how custom can mould our tastes and ideas: many could not imagine the existence of happiness in a life of such complete exile from the world as you spend, Mr. Heathcliff...»⁹⁴ [4, p. 4].

⁸⁶ «От ворот парка до дома – Мызы, как его называют, – две мили пути; но я, кажется, умудрился превратить их в четыре: я то терял дорогу, торкаясь между деревьями, то проваливался по горло в снег – удовольствие, которое может оценить только тот, кто сам его испытал. Так или иначе, когда я после всех своих блужданий вошел в дом, часы пробили двенадцать; получилось – ровно час на каждую милю обычного пути от Грозового перевала!» [3, с. 8].

⁸⁷ «До тринадцати лет она ни разу не вышла одна за ограду парка. Мистер Линтон изредка брал ее с собой на прогулку – на милю, не больше, но другим ее не доверял. «Гиммертон» было для ее ушей отвлеченным названием; церковь – единственным, кроме ее дома, зданием, порог которого она переступала. Грозовой перевал и мистер Хитклиф для нее не существовали; она росла совершенной затворницей и казалась вполне довольной» [3, с. 50].

⁸⁸ «...там опять горы, такие же, как эти» [3, с. 50].

⁸⁹ «Не мудрено, что между плитами пробивается трава, а кусты живой изгороди подстригает только скот» [3, с. 1].

⁹⁰ «...я остановился полюбоваться гротескными барельефами, которые ваятель разбросал, не скупясь, по фасаду, насаживая их особенно щедро над главной дверью, где в хаотическом сплетении облезлых грифонов и бесстыдных мальчуганов я разобрал дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо» [3, с. 1].

⁹¹ «Место поистине прекрасное!... Совершенный рай для мизантропа!» [3, с. 1].

⁹² «...в общую комнату: ее здесь и зовут домом» [3, с. 1].

⁹³ «Над камином примостилось несколько неисправных старых ружей разных образцов да пара седельных пистолетов; и в виде украшений по выступу его были расставлены три жестяные банки пестрой расцветки... грубо сколоченные кресла с высокими спинками покрашены были в зеленое; да еще два или три черных, потяжелее, прятались в тени. В углублении под полками лежала большая темно-рыжая легавая сука со сворой визгливых щенят; по другим закутам притаились другие собаки» [3, с. 1].

⁹⁴ «Странно, – начал я... – странно, до чего привычка меняет наши вкусы и понятия: иной человек даже и вообразить не в состоянии, что можно быть счастливым, живя в таком полном отрешении от мира, как живете вы, мистер Хитклиф» [3, с. 3].

Хотя изначально ему показалось, что этот дом совсем не подходит своему хозяину: «But Mr. Heathcliff forms a singular contrast to his abode and style of living»⁹⁵ [4, p. 1].

Мыза Скворцов не так подробно описывается автором и, в некоторой степени, противостоит Грозному перевалу. Это поместье, утопающее в зелени, многие жители которого даже не подозревают о существовании второго. Название поместья также имеет символическое значение. Слово «мыза» имеет нейтральную семантику (усадьба, поместье), а «скворцы», возможно, подчеркивают окультуренность и гармоничность этого места. Скворцы селятся вблизи человеческого жилья. То есть, если в названии Грозного перевала акцентирована опасность, связанная с особенностями климата и ландшафта, то в названии Мызы Скворцов подчеркивается уютная атмосфера.

Хотя Мыза Скворцов и представляет собой идеальное место для жизни, его морально-психологический климат поглощает героев, делает их несчастными. Поэтому можно утверждать, что Мыза Скворцов также содержит черты, свойственные готическому произведению.

Следует отметить, что образ природы присутствует и в описании повседневных обыденных вещей, выступает метафорой поведения героев. Так описывается, влетевшая в комнату «тетка» из кухни: «... a lusty dame... rushed into the midst of us... and she only remained, heaving like a sea after a high wind...»⁹⁶ [4, p. 3]. Или, например, Э. Бронте сравнивает домашний очаг Хитклифа с бурей беспокойства и воплей: «Mr. Heathcliff and his man climbed the cellar steps with vexatious phlegm: I don't think they moved one second faster than usual, though the hearth was an absolute tempest of worrying and yelping»⁹⁷ [4, p. 3].

Особенность готического хронотопа произведения связана и с лицами повествователей. Мистер Локвуд и Нелли Дин по очереди рассказывают о событиях, происходящих в произведении. Действие романа начинается с приезда Мистера Локвуда в 1801 г. Из-за болезни ему приходится месяц (4 недели) пробыть на Мызе Скворцов: «Four weeks' torture, tossing, and sickness!»⁹⁸ [4, p. 4]. После этого он решает покинуть Мызу Скворцов и вернуться в Лондон, спустя восемь месяцев Мистер Локвуд возвращается обратно. Что происходило в течение 8 месяцев читателю неизвестно, Э. Бронте опять же показывает, что внешнего мира не существует. Но во время отсутствия Мистера Локвуда, действие романа переносится на Мызу Скворцов, где повествование ведется от лица Нелли Дин, служанки, которая была свидетелем этих событий, а если и не была, то она с легкостью передает повествование другим героям. Мисс Дин во всех смыслах хранительница как домашнего очага, так и всех тайн, живущих здесь когда-то людей. Она передает то «наследственное предание», легенду о загадочном найденыше – Хитклифе, необходимое готическому сюжету. С этой легендой и связана тема падения рода, которая отражает античный миф – миф о родовом проклятии.

Таким образом пространство и время «Грозного перевала» влияют на ход событий в романе, на героев, их поступки и чувства. Хронотопы, составляющие специфику пространственно-временной организации произведения, создают целостную картину жизни двух поместий, отрешенных от всего внешнего мира. Природа представляет собой отдельное пространство, создает особую картину и настроение, свойственные готическим сюжетам. Историзм, таинственность, мифологизм, мотивы «волшебной сказки» выдают черты готического романа.

В романе Э. Бронте «Грозной перевал» достаточно сложная система персонажей. Всех их можно разделить на жителей Грозного перевала – семья Эрншо, и жителей Мызы Скворцов – семья Линтонов. Но в ходе повествования герои так или иначе меняются местами, поэтому два поместья становятся одним домом двух семей.

Так как Грозной перевал олицетворяет собой неприятное готическое поместье, а Мыза Скворцов – идеальное, окруженное зеленью, место для жизни, так и люди, которые в них живут, обладают теми же чертами. Хиндли Эрншо, житель Грозного перевала, еще с детства оказался рабом своих чувств. Так он ненавидел Хитклифа, братом которого ему пришлось стать по наставлению отца, он отзывался о нем как об исчадии ада: «It will be ten times blacker with that guest than ever it was before!»⁹⁹ [4, p. 39]. Но сам Хиндли был ничем не лучше: после смерти жены он спился, проиграл свое родовое поместье и умер. Так Хиндли Эрншо олицетворяет Грозной перевал. Противопоставить ему можно Эдгара Линтона – хорошо воспитанного, галантного молодого человека, подходящего своему месту жительства. Маленькому Гэртону, живущему на Грозном перевале, поют песню со словами «могильный»: «It was far in the night, and the bairnies grat, / The mither beneath the mools heard that»¹⁰⁰ [4, p. 21]. Таким образом, Э. Бронте противопоставляет жителей двух поместий, указывая на особенности их характеров, обусловленных их местом жительства.

⁹⁵ «Но мистер Хитклиф являет странный контраст своему жилью и обиходу» [3, с. 1].

⁹⁶ «... дюжая тетка... ринулась... в самую гущу боя... она действовала так успешно... точно море после сильного ветра...» [3, с. 2].

⁹⁷ «Мистер Хитклиф и его слуга поднимались по ступенькам из погреба с возмутительным хладнокровием; не думаю, чтоб они поторопились явиться хоть на секунду быстрее, хотя возня и визг у очага разбушевались вихрем» [3, с. 2].

⁹⁸ «Целый месяц пыток, кашля и тошноты» [3, с. 24].

⁹⁹ «И ад, когда примет такого постояльца, станет в десять раз черней, чем был!» [3, с. 38].

¹⁰⁰ «Расплакались дети в полуночной мгле, / А мать это слышит в могильной земле» [3, с. 20].

Подобные различия также ведут и к душевному конфликту героев. Кэтрин Эрншо родилась и провела все детство на Грозовом перевале, она так и не смогла полюбить Эдгара Линтона. Ей хотелось другого, свободы: «I wish I were a girl again, half savage and hardy, and free; and laughing at injuries, not maddening under them! Why am I so changed? Why does my blood rush into a hell of tumult at a few words? I'm sure I should be myself were I once among the heather on those hills»¹⁰¹ [4, p. 34]. Она сможет свыкнуться с Линтоном, но ей не забыть Хитклифа: «My great miseries in this world have been Heathcliff's miseries, and I watched and felt each from the beginning: my great thought in living is himself. If all else perished, and HE remained, I should still continue to be; and if all else remained, and he were annihilated, the universe would turn to a mighty stranger: I should not seem a part of it. – My love for Linton is like the foliage in the woods: time will change it, I'm well aware, as winter changes the trees. My love for Heathcliff resembles the eternal rocks beneath: a source of little visible delight, but necessary»¹⁰² [4, p. 22]. С одной стороны, мы видим типичную романтическую героиню, свойственную готическому сюжету, мечущуюся между любовью и хорошим обществом. Она склонна к глубоким переживаниям, внимание на которые обращает Э. Бронте. Кэтрин находится между Хитклифом и Линтоном, но она все равно одинока, они не жалеют ее чувств: «You and Edgar have broken my heart, Heathcliff! And you both come to bewail the deed to me, as if you were the people to be pitied!»¹⁰³ [4, p. 3]. Так Э. Бронте делает любовь Хитклифа и Кэтрин трагической.

Но с другой стороны, появление Кэтрин Эрншо в семье Эдгара Линтона стоило жизни его родителей, благодаря ее женской сущности, возникает любовный треугольник. Еще в самом начале произведения она возникает как образ «мертвой возлюбленной», призрака, которого ожидает Хитклиф: «'Come in! come in!' he sobbed. 'Cathy, do come. Oh, do – ONCE more! Oh! my heart's darling! hear me THIS time, Catherine, at last!' The spectre showed a spectre's ordinary caprice: it gave no sign of being; but the snow and wind whirled wildly through, even reaching my station, and blowing out the light»¹⁰⁴ [4, p. 8]. Таким образом, Кэтрин Эрншо представляет то зло, которое свойственно готическому злодею, Хитклифу. Она – это часть его, как и он ее. Кэтрин утверждает, что ее душа – его душа: «...because he's more myself than I am. Whatever our souls are made of, his and mine are the same...»¹⁰⁵ [4, p. 22]. В то время как Хитклиф говорит: «And Catherine has a heart as deep as I have...»¹⁰⁶ [4, p. 41].

После смерти Кэтрин Хитклиф произносит злополучное проклятие: «Catherine Earnshaw, may you not rest as long as I am living; you said I killed you – haunt me, then! The murdered DO haunt their murderers, I believe. I know that ghosts HAVE wandered on earth. Be with me – take any form – drive me mad! only DO not leave me in this abyss, where I cannot find you! Oh, God! it is unutterable! I CANNOT live without my life! I CANNOT live without my soul!»¹⁰⁷ [4, p. 46]. Так этот вечножеланный призрак не оставляет его ни на минуту.

Хитклиф – типичный образ, свойственный готическому роману. Именно он представляет собой готического злодея. Уже в его имени наблюдается символизм: «*heath cliff*» – холм, поросший вереском. Этим можно объяснить его желание бродить по вересковым пустошам. Готический злодей чаще всего существо нечеловеческой природы, еще в самом начале мистер Эрншо говорит своей жене, что мальчик черен так, будто родился от дьявола: «See here, wife! I was never so beaten with anything in my life: but you must take it as a gift of God; though it's as dark almost as if it came from the devil»¹⁰⁸ [4, p. 11]). Это же замечает и Нелли Дин: «Is he a ghoul or a vampire?»¹⁰⁹ [4, p. 89].

Хитклиф – чужак в этих краях, при первой встрече с семьей всем он показался грязным, неряшливым, никто не хотел и подходить к нему: «...dirty, ragged, black-haired child; big enough both to walk and

¹⁰¹ «Хочу снова стать девчонкой, полудикой, смелой и свободной; и смеяться в ответ на обиды, а не сходить из-за них с ума! Почему я так изменилась? Почему, едва мне скажут слово, кровь закипает во мне адским ключом? Я уверена, что стала бы вновь самой собою, – только бы мне очутиться среди вереска на тех холмах» [3, с. 33].

¹⁰² «Моя большая дума в жизни – он и он. Если все прочее сгинет, а он останется – я еще не исчезну из бытия; если же все прочее останется, но не станет его, вселенная для меня обратится в нечто огромное и чужое, и я уже не буду больше ее частью. Моя любовь к Линтону, как листва в лесу: знаю, время изменит ее, как меняет зима деревья, любовь моя к Хитклифу похожа на извечные каменные пласты в недрах земли. Она – источник, не дающий явного наслаждения, однако же необходимый месяц пыток, кашля и тошноты» [3, с. 21].

¹⁰³ «Ты и Эдгар, вы разбили мне сердце, Хитклиф! И оба вы приходите ко мне плакаться о том, что сами натворили, – будто жалеть надо вас!» [3, с. 42].

¹⁰⁴ ««Приди! Приди! – рыдал он. – Кэти, приди! О приди – еще хоть раз! Дорогая, любимая! Хоть сегодня, Кэтрин, услышь меня!». Призрак проявил обычное для призраков своеобразие: он не подал никаких признаков бытия; только снег и ветер ворвались бешеной закруткой, долетев до меня и задув свечу» [3, с. 7].

¹⁰⁵ «...он больше я, чем я сама. Из чего бы ни были сотворены наши души, его душа и моя – одно» [3, с. 21].

¹⁰⁶ «И у Кэтрин сердце такое же глубокое, как мое» [3, с. 40].

¹⁰⁷ «Кэтрин Эрншо, не находи покоя, доколе я жив! Ты сказала, что я тебя убил, так преследуй же меня! Убитые, я верю, преследуют убийц. Я знаю, призраки бродят порой по земле! Будь со мной всегда... прими какой угодно образ... Сведи меня с ума, только не оставляй меня в этой бездне, где я не могу тебя найти! О боже! Этому нет слов! Я не могу жить без жизни моей! Не могу жить без моей души!» [3, с. 45].

¹⁰⁸ «Смотри, жена! Сроду никогда ни от кого мне так не доставалось. И все же ты должна принять его как дар божий, хоть он так черен, точно родился от дьявола» [3, с. 10].

¹⁰⁹ «Уж не оборотень ли он, или вампир?» [3, с. 88].

talk...»¹¹⁰ [4, p. 10]. Хозяйка дома захотела сразу же выбросить это цыганское отродье. Мистер Эрншо называл его «бедной сироткой» (he poor fatherless child). Его воспринимали тупым, терпеливым ребенком, так как Хитклиф молча принимал побои своего брата: «He seemed a sullen, patient child; hardened, perhaps, to ill-treatment...»¹¹¹ [4, p. 11]. Так с появлением Хитклифа на Грозовом перевале в доме поселяется зло: через два года умирает миссис Эрншо, Хиндли становится тираном своей семьи. Его можно противопоставить образу Дьявола: белые клыки, черные волосы, темный цвет лица – все соответствует этому образу.

Тайна лежит и в его происхождении, происхождении его родителей. В романтической литературе часто используются цыгане, как образ свободы. Именно к ней и стремится Хитклиф, увлекая за собой Кэтрин: прогулки по кладбищу, вересковым полям, все это отражает его натуру. Изначально Мистер Эрншо и Кэтрин дают ему надежду на любовь, но потом он становится рабом, и рабство он терпит лишь из-за любви к Кэтрин, которой он больше не ровня: «It would degrade me to marry Heathcliff now...»¹¹² [4, p. 22]. Так читатель видит то, что Хитклиф вовсе не злодей, другие делают его таким.

Но смерть Кэтрин пробуждает настоящее зло в нем. Хитклиф берется за лопату и идет раскапывать ее могилу, чтобы снова заключить свою возлюбленную в объятия: «You know I was wild after she died; and eternally, from dawn to dawn, praying her to return to me her spirit! I have a strong faith in ghosts: I have a conviction that they can, and do, exist among us! The day she was buried, there came a fall of snow. In the evening I went to the churchyard. It blew bleak as winter – all round was solitary. I didn't fear that her fool of a husband would wander up the glen so late; and no one else had business to bring them there. Being alone, and conscious two yards of loose earth was the sole barrier between us, I said to myself - 'I'll have her in my arms again! If she be cold, I'll think it is this north wind that chills ME; and if she be motionless, it is sleep.' I got a spade from the tool-house, and began to delve with all my might – it scraped the coffin...»¹¹³ [4, p. 78]. Именно Линтона, мужа Кэтрин, Хитклиф винит в ее смерти, в нем пробуждается месть. После смерти своего врага, Хитклиф пытается собрать последние частички Кэтрин, а именно все тот же портрет Кэтрин, висящий у Нелли Дин, отражающий готический артефакт.

Смерть Хитклифа овеяна мистикой и таинственностью. Его находят у открытого окна, будто бы Кэтрин наконец удалось попасть в дом, к своему возлюбленному: «Mr. Heathcliff was there – laid on his back. His eyes met mine so keen and fierce, I started; and then he seemed to smile. I could not think him dead: but his face and throat were washed with rain; the bed-clothes dripped, and he was perfectly still. The lattice, flapping to and fro, had grazed one hand that rested on the sill; no blood trickled from the broken skin, and when I put my fingers to it, I could doubt no more: he was dead and stark!»¹¹⁴ [4, p. 90]. Хитклиф так долго стремился вновь встретиться с Кэтрин, до своей смерти он признался Мисс Дин, что он мечтает оказаться с ней в одном гробу, чтобы их лица слились в одно и проклятый Линтон никогда не смог бы их различить: «I got the sexton...to remove the earth off her coffin lid, and I opened it. I thought, once, I would have stayed there: when I saw her face again – it is hers yet! – he had hard work to stir me; but he said it would change if the air blew on it, and so I struck one side of the coffin loose, and covered it up: not Linton's side, damn him! I wish he'd been soldered in lead. And I bribed the sexton to pull it away when I'm laid there, and slide mine out too; I'll have it made so: and then by the time Linton gets to us he'll not know which is which!»¹¹⁵ [4, p. 77].

В конце романа, после похорон Хитклифа, слуга говорит, что в каждую дождливую погоду он видит Кэтрин вместе с ним, идущих по торфянику, или же выглядывающих из комнаты. Мисс Дин говорит, что перед ней уже не тот Хитклиф, а бес: «I cannot express what a terrible start I got by the momentary view! Those deep black eyes! That smile, and ghastly paleness! It appeared to me, not Mr. Heathcliff, but a gob-

¹¹⁰ «...грязного черноволосого оборвыша. Мальчик был не так уж мал – он умел и ходить и говорить...» [3, с. 9].

¹¹¹ «Он казался тупым, терпеливым ребенком, привыкшим, вероятно, к дурному обращению» [3, с. 10].

¹¹² «А теперь выйти за Хитклифа значило бы опуститься до него» [3, с. 21].

¹¹³ «Ты знаешь, что я был не в себе, когда она умерла: непрестанно, с рассвета до рассвета, я молил ее выслать ко мне свой призрак. Я крепко верю в духов; верю, что они могут бродить среди – и действительно бродят, существуют бок о бок с нами. В день, когда ее похоронили, выпал снег. Вечером я пошел на кладбище. Вьюга мела, как зимой... А кругом пустынно. Я не боялся, что ее глупый муж станет шататься у ее приюта в тот поздний час, а больше никого не могло туда принести. Оставшись с ней один и сознавая, что между нами преградой только два ярда рыхлой земли, я сказал себе: «Я снова заключу ее в объятия! Если она холодна, я стану думать, что это холодно мне, что меня пронизывает северный ветер; и если она неподвижна, скажу, что это сон». Я взял в сарае лопату и принялся копать изо всех сил. Железо скребнуло по гробу...» [3, с. 77].

¹¹⁴ «Мистер Хитклиф был там – лежал навзничь в постели. Его глаза встретили мои таким острым и злобным взглядом, что меня передернуло; и казалось, он улыбался. Я не допускала мысли, что он мертв, но его лицо и шея были омыты дождем; с постели текло, и он был совершенно недвижим. Створка окна, болтаясь на петлях, содрала кожу на руке, простертой по подоконнику. Из скадины не сочилась кровь, и, когда я приложила к ней пальцы, я больше не могла сомневаться: он был мертв и окоченел!» [3, с. 89].

¹¹⁵ «Я попросил могильщика, копавшего могилу Линтону, счислить землю с крышки ее гроба и открыл его. Я думал сперва, что не сойду уже с места, когда увидел вновь ее лицо – это все еще было ее лицо! Могильщик меня с трудом растолкал. Он сказал, что лицо изменится, если на него подует ветром, и тогда я расшатал стенку гроба с одной стороны и опять засыпал гроб землей – не с того бока, где положат Линтона, будь он проклят! По мне, пусть бы его запяли в свинец. И я подкупил могильщика, чтобы он пододвинул гроб Кэтрин, когда меня положат туда, и мой тоже. Я позабочусь, чтобы так оно и было. К тому времени, когда Линтон доберется до нас, он не будет знать, где из нас кто» [3, с. 76].

lin...»¹¹⁶ [4, p. 89]. Соединившись с Кэтрин, Хитклиф наконец обретает свободу. Эту же свободу обретает и Грозовой перевал, Мистер Локвуд замечает, что место становится мирным, наконец, ушедшие в сон души, обретают покой: «...how any one could ever imagine unquiet slumbers for the sleepers in that quiet earth»¹¹⁷ [4, p. 91].

Сестра Эмили, Ш. Бронте, писала: «Образ Хитклифа остается неоднозначным». Нельзя утверждать однозначно, что он готический злодей. Кэтрин и Хитклиф разделили эту роль на двоих, они одинаково прокляты в этом мире. Э. Бронте одна из первых сделала своего готического злодея простым, необразованным человеком. Соединив одно зло в двух героях, она достигла необычайного эффекта на читателей. До сих пор фигуры Кэтрин и Хитклифа остаются неоднозначными: был ли это один человек или же их души действительно были настолько близки. Они однозначно были прокляты, их мирное существование могло произойти лишь в «другом» мире, после их смерти. Их счастливой версией стали искренние отношения Кэтрин Линтон и Гэртон Эрншо, дочери Кэтрин Эрншо и сына Хитклифа. Так, в конце романа все, наконец, обрели счастье и свободу, преодолев то зло, которое ушло со смертью Хитклифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит-ра, 1975. – 502 с.
2. Соловьева, Н.А. Английский предромантизм и формирование романтического метода / Н.А. Соловьева. – М.: МГУ, 1984. – 146 с.
3. Бронте, Э. Грозовой перевал. Пер. с англ. Н. Вольпин / Э. Бронте. – М.: Правда, 1988. – 90 с.
4. Brontë, E. Wuthering Heights / E. Brontë [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pagebypagebooks.com/Emily_Bronte/Wuthering_Heights/Chapter_I_p1.html.

---

¹¹⁶ «...я не могу выразить, как страшно оно меня поразило в то мгновение! Эти запавшие черные глаза! Эта улыбка и призрачная бледность! Мне показалось, что предо мною не мистер Хитклиф, а бес» [3, с. 88].

¹¹⁷ «...как это вообразилось людям, что может быть мирным сон у тех, кто спит в этой мирной земле» [3, с. 90].